

УДК 174

**Онлайновый прокторинг в университете
(отправные точки этического анализа)**

Аннотация. В статье выявлены отправные точки этического анализа такой образовательной технологии, как онлайн-наблюдение за проверкой знаний студентов (онлайновый прокторинг). Автор статьи развернуто характеризует различные формы этой технологии, включая те, которые осуществляются внешними по отношению к университету акторами (прокторинговыми компаниями) и используют способы слежения, опирающиеся на искусственный интеллект. В качестве введения к этическому анализу онлайн-прокторинга автор реконструирует отклики на его использование в период пандемии со стороны разных категорий стейкхолдеров: студенческого сообщества, преподавателей университетов, администраций университетов, политиков, правозащитных организаций, общественных активистов. В этих откликах можно обнаружить многочисленные апелляции к различным моральным ценностям и принципам, что превращает результаты реконструкции в важный первичный материал этического анализа. В статье не ставится задача окончательной этической оценки онлайн-прокторинга, она призвана всего лишь обобщить аргументы *pro et contra*. Основны с такими ценностными концептами как «академическая честность» и «академическое мошенничество (академический читинг)». В статье кратко раскрыто их содержание применительно к исследуемой технологии. Аргументы *contra* касаются двух аспектов онлайн-прокторинга. Во-первых, его практической эффективности, которую ставит под вопрос развитие способов обхода наблюдения. Во-вторых, его моральных издержек, то есть сопряженного с ним вынужденного пренебрежения моральными ценностями. В статье проанализированы моральные издержки онлайн-прокторинга, возникающие в связи с честностью, гуманностью, защитой частной жизни и персональной информации, сохранением автономного выбора. Дополнительным минусом анализируемой технологии является ее негативное воздействие на способность университета выполнять свою миссию в качестве сообщества ученых и школы критического мышления.

Ключевые слова: академическая этика, академическая честность, онлайн-прокторинг, честность, гуманность, защита частной жизни, автономный выбор.

Работа университета в условиях пандемии как вынужденный масштабный эксперимент

Через два года после того, как пандемия начала отступать и пандемийные ограничения были отменены или предельно ослаблены даже в тех странах, которые держались за них до последнего, стало понятно, что некоторые революционные изменения в самых разных сферах общественной жизни, ожидавшиеся в результате борьбы с этой глобальной угрозой, все же не произошли. Человечество возвращается к привычным практикам, существовавшим до рубежа 2019–2020 гг. Так, по крайней мере, ситуация выглядит в конце 2023 – начале 2024 г. Однако пандемийный режим жизни и, особенно, масштабный локдаун оставили глубокий след в новейшей истории самых разных социальных институтов и организаций. Поиск выхода из стремительно развивавшегося кризиса заставлял их руководство принимать срочные нетривиальные решения, использовать такие инструменты, которые в докризисную эпоху рассматривались как возможная, но требующая слишком радикальных изменений опция, прибегать к таким мерам, которые вполне укладывались в образ далекого будущего, поскольку соответствовали долговременным трендам социального развития, но не рассматривались как часть текущей повестки, а также масштабировать те практики, которые ограниченно применялись в маргинальных для того или иного института областях деятельности, на всю сферу его функционирования. Соответственно, работа в условиях пандемии превратилась в гигантский эксперимент, результаты которого требуют критического осмысления и, в меру их приемлемости, закрепления в уже некризисном режиме существования общества.

Система высшего образования находится в том же положении, что и другие социальные сферы. Университеты возвращаются к нормальной жизни и оценивают опыт своего пандемийного функционирования. Важнейшим предметом оценки является применение дистанционных цифровых образовательных технологий. Вынужденный полный переход к ним позволил контрастно оттенить их преимущества и недостатки и, что самое главное, снял при этом множество возражений, выраженных в виде категорического утверждения «Невозможно!». Оказалось, что, хотя бы временно, университет может работать полностью в дистанционном онлайн-режиме, может экстренно превратиться в цифровой университет. Другое дело, насколько тотальный дистанционный цифровой режим эффективен, насколько он позволяет решать прагматические и непрагматические задачи, связанные с назначением (миссией) университета. По всей

видимости, в полном объеме не позволяет, но это означает, что возвращение высшего образования в режим университета «кирпича и раствора» (так в англоязычной литературе называют физический, а не виртуальный кампус) может и должно происходить избирательно.

При этом дистанционные формы преподавания и обучения могут и должны совершенствоваться на основе массива информации, полученного в то время, когда эти формы вынужденно господствовали в университетской практике. Это касается разных составляющих образовательного процесса: передачи знания, формирования навыков и умений, оценки результатов учебной деятельности, а также их взаимосвязей, поскольку преимущества дистанционного цифрового образования формируются на основе их синергии. Как сам по себе ответ высшего образования на вызов пандемии, так и извлечение уроков из этого ответа – обеспечение оптимального, обогащающего практику выхода из кризиса – являются универсальными или глобальными процессами, протекающими во всех университетах мира. Сходство кризисных и посткризисных задач ведет к тому, что позитивный и негативный опыт одних университетов автоматически оказывается интересен для других, опыт одних национальных систем высшего образования – для других. Поправки на национально-культурную специфику, хотя и возможны, имеют в этом проблемном поле вторичную роль.

Учет опыта пандемии и выявление на его основе ближайших перспектив развития дистанционного цифрового образования обладают отчетливо выраженным этическим измерением. Оно связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с тем, что социальное назначение (миссия) университета и ситуативные средства ее реализации являются одним из законных предметов социально-этического анализа. Университетские практики, воплощающие идеал этого учреждения, должны быть вписаны в картину оптимального в свете разных моральных критериев, то есть справедливого, заботливого, отзывчивого и т.д., общества. Отсюда следует, что проблемы, которые на первый взгляд кажутся проблемами экономики образования, образовательной политики государства (как прямого организатора системы образования и как создателя рамок для функционирования других, независимых от него акторов), управленческой деятельности руководства университетов, оказываются опосредованно моральными проблемами. Отсюда не следует, что социальная этика является тем пространством, в котором подводятся все итоговые балансы и определяются все практические выводы. Однако взгляд на систему высшего образования через призму социальной этики – важная часть экспертизы состояния этой системы.

Во-вторых, этическое измерение цифровизации университета связано с тем, что внутри социальной этики существует особая ниша, занятая академической этикой, которая представляет собой сложный ценностно-нормативный комплекс, регулирующий поведение участников и организаторов образовательного процесса. Те или иные управленческие и технологические новации могут прямо противоречить ее ценностям и нормам или создавать условия, в которых реализация ее ценностей и соблюдение ее норм оказываются существенным образом затруднены. Можно, конечно, представить себе ситуацию, в которой значимость структурных изменений системы высшего образования окажется большей, чем значимость сохранения существующего на настоящий момент содержания академической этики (то же самое можно сказать и о традиционных представлениях о назначении университета), но бремя доказательства в этом случае будет всецело лежать на защитнике структурных изменений. Он должен продемонстрировать, что ситуация именно такова и что академическая этика, включая ее институционализованные формы, должна измениться. По умолчанию же академическая этика в ее более или менее устойчивом виде является важным ограничением для любых новаций.

В данной статье будут затронуты этические проблемы лишь одной составляющей дистанционного цифрового образовательного процесса. Я имею в виду оценку результатов учебной деятельности студента, а если более конкретно – механизмы поддержания академической честности и борьбы с академическим мошенничеством (академическим читингом). Часть таких механизмов связана с наблюдением за выполнением студентами контрольных заданий, в том числе за их подготовкой к итоговым отчетностям – зачетам и экзаменам. Наблюдение позволяет исключить или минимизировать использование нечестных способов выполнения заданий и сдачи зачетов и экзаменов, таких как списывание, получение помощи со стороны других лиц, подмену проверяемого студента другим лицом и т.д. В рамках контактной формы обучения с давних пор использовались простейшие способы наблюдения за студентами, выполняющими контрольные задания или готовящимися к устному зачету/экзамену. Сам преподаватель, принимающий экзамен, или сотрудник университета, которому специально поручена задача наблюдения, следили за тем, чтобы студенты не использовали неразрешенные вспомогательные материалы (в последние десятилетия – не пользовались электронными устройствами с выходом в сеть Интернет), не получали подсказки (в последние десятилетия – с помощью электронных дистанционных средств общения), не пытались подменить

себя другим человеком, имеющим хорошую подготовку по изучаемому курсу. Это составляло часть рутинных и при этом не самых приятных, а также довольно обременительных обязанностей преподавателей. Однако в условиях дистанционной работы из-за особенностей техники, которая применяется для связи со студентами, исполнение таких обязанностей оказалось затруднительным.

Опыт пандемии ярко продемонстрировал тот факт, что простой перенос традиционных методик наблюдения в виртуальную среду сталкивается с целым рядом проблем. Многочисленные небольшие окна мозаики на экране наблюдателя, открывающие ему вид на всю группу исполняющих задания или готовящихся к ответу студентов, не позволяют отслеживать их действия. Не позволяет это сделать и постоянное переключение между индивидуальными окнами студентов. Кроме того, изображение, присутствующее на мониторе наблюдателя, ограничено тем, что способна захватить и транслировать веб-камера выполняющего задания или готовящегося к ответу студента. Использование студентом неразрешенных вспомогательных материалов, в том числе отображаемых на экранах дополнительных устройств (смартфонов, планшетов), остается за пределами того, что видит наблюдатель. Наконец, компьютер студента, с помощью которого он получает задания, вводит результаты их решения и делает видимым весь этот процесс для наблюдателя, также может стать средством получения дополнительной информации или средством коммуникации с другими людьми.

Очевидные выходы из этих затруднений: увеличение количества и подготовленности наблюдателей, совершенствование алгоритмов наблюдения или автоматизация этого процесса (подробнее см. ниже). Все они были задействованы в рамках развития технологий наблюдения и уже в допандемийный период вызвали многочисленные этические вопросы. Масштабирование технологий наблюдения в период пандемии превратило эти вопросы из маргинальных и довольно абстрактных в центральные и крайне злободневные для академического сообщества. Английское слово, используемое для обозначения процедуры наблюдения за исполнением заданий в ходе проверки знаний – «прокторинг» (proctoring) – стало интернациональным. Оно теперь знакомо студентам и преподавателям всех стран, не исключая Россию. Причем используется это слово преимущественно в отношении дистанционного онлайн наблюдения и чаще всего в контексте острого недовольства со стороны студентов и преподавателей, недовольства, в котором прагматические аргументы тесно переплетены с моральными.

И социальная, и академическая этика не могут быть изолированными от живого морального дискурса (в данном случае, дискурса, в который вовлечены стейкхолдеры новой технологии), поэтому обе дисциплины неизбежно становятся пространством критической рефлексии недовольства различных общественных групп. Еще три года назад, вскользь затрагивая проблему онлайн-прокторинга в статье об особенностях образовательного процесса в цифровом университете, я мог указать на считанные единицы работ с этической оценкой этой технологии. Теперь их счет идет на десятки, в особенности, если к статьям по этике добавить статьи по юриспруденции, использующие моральную аргументацию, и дополнить список хорошо структурированными и аргументированными текстами, появившимися в неакадемической периодической печати. Данная статья призвана внести вклад в эту критическую рефлексии и будет структурирована следующим образом: 1) раздел, развернуто проясняющий, что такое онлайн-прокторинг, и раскрывающий его технологическую сторону; 2) раздел, посвященный реконструкции откликов разных категорий стейкхолдеров на применение технологий онлайн-наблюдения за проверкой знаний студентов в период пандемии; 3) раздел, содержащий первичный этический анализ реакции стейкхолдеров; 4) раздел, характеризующий нормативные основания практики прокторинга, которые традиционно обозначаются с помощью терминов «академическая честность» и «борьба с академическим мошенничеством (академическим читингом)»; 5) раздел, характеризующий этические недостатки онлайн-прокторинга в свете центральных ценностей социальной и академической этики.

Онлайн-прокторинг: портрет явления

Существует несколько классификаций онлайн-прокторинга. Его формы могут быть типологизированы на основе того, кто осуществляет мониторинговые функции: человек или автоматизированная система наблюдения. Другой критерий классификации связан со временем, в котором проводится оценка поведения студента при выполнении проверочных заданий. Это может быть прокторинг, осуществляющийся в режиме реального времени, и прокторинг, осуществляющийся постфактум, на основе записи процедуры проверки знаний. Еще один критерий классификации касается характера мер, принимаемых для обеспечения честного выполнения заданий. Это могут быть предупредительные меры, которые изначально ограничивают возможности студента использовать вспомогательные материалы или помощь со стороны других лиц, или же идентифици-

рующие меры, которые выявляют уже осуществляющееся или произошедшее ранее нарушение правил проведения проверки знаний (за такими мерами следуют предупреждения или санкции). Эти два вида мер могут применяться изолированно друг от друга или в едином комплексе. В последнем случае их пропорция может быть различной. Дополнительный, но немаловажный критерий – критерий, связанный с тем, кто осуществляет прокторинг: 1) преподаватели, ведущие курс, по которому проводится проверка знаний; 2) университет силами привлеченных сотрудников, не имеющих отношения к курсу, или же с помощью самостоятельно разработанного программного обеспечения для автоматического наблюдения; 3) специализированные компании, предоставляющие прокторинговые услуги учебным заведениям или индивидуальным потребителям, то есть самим студентам (естественно, по требованию университета).

В соответствии с этими типологиями можно представить себе следующий ряд типичных ситуаций применения онлайн-прокторинга. В *первой ситуации* профессор и (или) его ассистенты наблюдают за подготовкой студентов к устному ответу, написанием эссе, выполнением тестов и т.д. в индивидуальных окнах студентов, отображающихся на мониторах прокторов. Наблюдение ведется в том же режиме, в котором осуществляется связь между преподавателями и студентами на дистанционных лекционных и семинарских занятиях, то есть без дополнительных программных и технических средств. В процессе выполнения заданий по движениям глаз, головы и тела студента они пытаются понять, не использует ли тот вспомогательные материалы, запрещенные к использованию (шпаргалки и проч.), пытаются на слух зафиксировать речь, содержащую подсказки, заметить появление на экране третьих лиц, помогающих дать правильный ответ на задания и т.д. Прокторы могут по-разному реагировать на замеченные ими нарушения: выносить предупреждения предполагаемому нарушителю, прерывать процедуру проверки знаний для проведения ее в другое время, заменять задания, снижать баллы за контрольную работу, зачет или экзамен, уменьшать или аннулировать вклад данной проверки знаний в итоговую оценку (в соответствии с используемой на данном курсе технологии оценивания). Именно так в данной ситуации выглядит идентифицирующая сторона прокторинга.

Предупредительная его сторона тоже может присутствовать. Прокторы могут зрительно опознавать личность проходящего испытание студента по фотографии, чтобы не дать возможности сдать за него экзамен или написать контрольную работу другому человеку. Для того, чтобы исключить использование дополнительных уст-

ройств, книг или записей, не разрешенных процедурой проверки знаний, а также присутствие третьих лиц, проктор может потребовать от студента в начале этой процедуры провести обзор помещения, в котором студент выполняет задания. Обычно речь идет о том, чтобы студент медленно повернул камеру своего компьютера на 360 градусов. Среди обычных предупредительных мер присутствует также проверка того, не используются ли студентом наушники.

Сложнее обстоит дело с предупредительными мерами, касающимися работы того устройства, которое служит средством связи студента с экзаменатором, а в случае сдачи тестов – выступает еще и как средство для доступа к материалам тестирования и введения ответов на задания. Использование студентом разных окон на этом устройстве открывает широкие возможности для доступа к информации и для коммуникации с другими людьми. Вне использования дополнительных программных и технических средств в этом отношении можно добиться немногого.

Это не означает, что предупреждение подобных нарушений в первой ситуации совсем невозможно. Оно может осуществляться, по крайней мере, при подготовке к дистанционному устному экзамену или при написании эссе непосредственно на занятии. Студенту может быть предъявлено условие готовить эссе или текст (план) устного ответа на бумаге и от руки, а во время их написания просто не смотреть на экран своего компьютера. При этом камера компьютера должна обеспечивать видимость письменного стола и готовящего за ним свое эссе или свой устный ответ студента. В случае с эссе подготовленный студентом текст превращается в итоге в ряд последовательных скриншотов, сделанных преподавателем со своего экрана. В случае с устным экзаменом студент в ходе ответа должен смотреть исключительно в подготовленный им текст. Именно этот способ использовали некоторые из моих коллег-преподавателей, будучи поставленными в период пандемии перед необходимостью срочно переводить традиционные экзаменационные процедуры в дистанционный формат. Что-то подобное использовал и я сам, оказавшись в такой же экстренной ситуации.

Все технические неудобства, возникающие в связи с описанной выше методикой наблюдения, очевидны. Очевидно и существенное увеличение потерь времени, затрачиваемого преподавателем на проверку знаний. Неудивительно, что в условиях локдауна некоторые университеты были вынуждены создавать специальные группы для синхронного, то есть осуществляющегося в реальном времени, прокторинга, поскольку преподаватели, ведущие курсы, не могли справиться с наблюдением за большими группами студентов. Но даже в

случае создания прокторинговых групп онлайн-наблюдение за проверкой знаний остается ярким примером нерационального использования рабочего времени квалифицированных кадров для неквалифицированной, механической работы. Мне не известны случаи, когда университеты прибегали бы к аутсорсингу для синхронного прокторинга, но это было бы более разумным решением, чем привлечение в качестве прокторов сотрудников и преподавателей университета.

Вторая ситуация предполагает уже не синхронное наблюдение со стороны проктора-человека, а «отсматривание» таким проктором заранее записанных материалов, не прошедших какой-либо предварительной машинной обработки (асинхронный прокторинг). У данного подхода к мониторингу проверочных процедур есть свои технологические плюсы, но имеются и существенные минусы. Среди его бесспорных плюсов то, что работу прокторов нет необходимости синхронизировать с графиком проведения проверок знания. Прокторы могут заниматься обработкой полученных записей в удобном для соответствующей университетской службы режиме и уже постфактум принимать решения по конкретным случаям нарушений, а затем доводить эти решения до сведения нарушителей. Плюсом является и то, что при такой организации прокторинга возникает возможность использовать объективное свидетельство (запись), которое в спорных случаях могут анализировать разные люди. Тем самым уменьшается опасность превратной интерпретации происходящего единственным наблюдателем, действующим в условиях спешки, и появляется возможность для организации полноценных апелляционных процедур, позволяющих студентам, к которым были применены те или иные санкции, отстаивать свою правоту.

Среди явных минусов работы с записями, сделанными в ходе проверки знаний – сохранение того же самого масштаба потерь рабочего времени, что и в случае с синхронным прокторингом (их лишь в незначительной мере может уменьшить ускоренный просмотр видеоматериалов). Другим существенным минусом является то, что идентификация нарушений проктором полностью теряет свой превентивный потенциал в отношении студентов, нарушающих нормы здесь и сейчас. Проктор не может заблокировать возможности нарушения или всего лишь предупредить нарушителя, чтобы тот прервал использование внешней помощи или недопустимых вспомогательных материалов и продолжил свое участие в проверке знаний. Трудности, связанные с использованием студентом для сдачи экзаменов, решения контрольных работ или прохождения тестов того

же самого устройства, с помощью которого проктор ведет наблюдение за проверкой знаний, остаются столь же серьезными, что и в первой ситуации. Их устранение невозможно с помощью простого смещения проверки во времени. Именно это делает актуальным использование для наблюдения специальных программных и технических средств.

Третья базовая ситуация отличается от двух предыдущих тем, что наблюдение за проверкой знаний опирается на платформы или приложения, обеспечивающие ту или иную степень автоматизации прокторингового процесса. Описание их работы можно найти в исследовательской литературе об онлайнном прокторинге, в рекламных материалах компаний, предоставляющих свои услуги на рынке прокторинга, и в жалобах и петициях, связанных с работой таких компаний (см. для примера сайты некоторых крупнейших прокторинговых фирм: Measure Learning (до 2020 г. ProctorU) [17], Proctorio [20], Respondus [21]). Интересное сравнение и обобщение функционала 29 программ онлайнного прокторинга было проведено итальянскими исследователями С. Арно, А. Галасси, М. Томмази, А. Саггиньо и П. Витторини [1].

Предотвращение нечестного поведения студентов с помощью программных средств начинается с применения автоматизированных процедур удостоверения личности. Удостоверение личности может осуществляться на основе электронного распознавания лица, голоса, отпечатков пальцев, а также особенностей сетчатки глаз. Для удостоверения личности может использоваться и анализ динамики печати на клавиатуре (как при входе в программу, так и в течение самого испытания: изменение манеры печати может свидетельствовать о том, что работает другой человек). Дополнительно может осуществляться проверка местонахождения студента с помощью системы глобального позиционирования.

Для предотвращения нечестного поведения студента, уже приступившего к выполнению заданий, на его компьютер должны быть заранее установлены специальные приложения. Эти приложения не позволяют использовать то устройство, через которое студент получает задание и через которое ведется наблюдение за ним, для получения помощи извне или для поиска неразрешенных вспомогательных материалов в сети Интернет. Функции устройства студента частично блокируются, и тот оказывается лишен возможности использовать программы, предназначенные для коммуникации, или даже любые программы, кроме тех, на базе которых ведется проверка знаний. Он не может открывать новые окна и вкладки, использовать функции вставки и копирования. Приложением может блоки-

роваться правая кнопка мыши и различные комбинации клавишей на клавиатуре, может автоматически вестись запись интернет-трафика в период проверки знаний и т.д., и т.п. Отдельная функция автоматических программ, обеспечивающая предотвращение нарушений, касается защиты контрольных материалов от распространения в группах студентов. Приложения блокируют возможность делать скриншоты и даже очищают автоматически временные интернет файлы. Тем самым исключается такая стратегия прохождения испытаний, которая предполагает, что кто-то из студентов выступают в качестве «ледоколов», а другие используют банки уже решенных заданий.

Идентификация нечестного (а, вернее, подозрительного или – как его еще называют разработчики программ – «аномального») поведения студентов с помощью прокторинговых программ может осуществляться в разных режимах: в режиме, при котором элементы автоматизации лишь облегчают работу «живого» проктора в реальном времени. И в режиме, который предполагает, что все основные функции наблюдения автоматизированы, то есть выполняются искусственным интеллектом. Существуют программы, в алгоритм работы которых заложена многосторонняя кооперация между проктором, работающим в реальном времени, и искусственным интеллектом. В самом простом варианте работающий с помощью программы «живой» проктор просто получает возможность автоматического периодического переключения между окнами студентов и использует удобную систему маркировки случаев подозрительного поведения. Если же в программе задействован искусственный интеллект, то она может самостоятельно выявлять подозрительные движения глаз и головы, фиксировать посторонние звуки и появление на экране других людей, расставляя флажки с указанием времени происшествий. Эти флажки доводятся до сведения «живого» проктора или остаются на записи для облегчения проверки «живым» специалистом, если таковая оказывается необходимой. Флажки на записи могут быть ранжированы в порядке большей или меньшей вероятности реального нарушения. Некоторые программы имеют функцию автоматического прерывания экзамена в случае появления определенного числа таких флажков. Примечательно, что в настоящий момент уже существуют программы, которые при определении аномального поведения учитывают изменения в эмоциональном состоянии и концентрации внимания студента. Анализ психических изменений проводится искусственным интеллектом на основе изменений выражения лица экзаменуемого. В функционал некоторых программ входит также возможность подключения второй камеры наблюдения, находящейся не

на том устройстве, которое используется непосредственно в ходе проверки знаний, а на дополнительном устройстве сдающего экзамен или выполняющего контрольную работу студента.

Восприятие онлайнного прокторинга основными стейкхолдерами в период пандемии

Широкое использование онлайнного прокторинга в период пандемии породило волну откликов со стороны различных стейкхолдеров этой образовательной технологии: студентов, преподавателей, администраций университетов, правозащитных организаций, депутатов парламентов и т.д. Интерес к спорам вокруг дистанционного прокторинга проявили некоторые лидеры общественного мнения, не имеющие прямого отношения к университетскому образованию. Отклики стейкхолдеров были преимущественно негативными, в диапазоне от острого возмущения до больших сомнений в моральной и прагматической оправданности применения технологии. Таким образом сформировалось поле коллективной критической рефлексии.

а). Студенческое сообщество

Вот некоторые примеры реакции студентов на использование онлайнного прокторинга.

Поведение американской студентки Д. Джо на экзамене было отмечено прокторинговой программой, использующей искусственный интеллект, как крайне подозрительное. На основе этого она получила предупреждение о дисциплинарном проступке, которое могло в течение ближайшего времени привести к потере стипендии, позволявшей ей оплачивать проживание в кампусе и питание в течение срока обучения в университете. Флажок, поставленный программой, был вызван тем, что она прочитала вслух вопрос, содержащийся в задании. Для того, чтобы предупреждение было снято, студентке пришлось обращаться с жалобами не только в администрацию университета, но и в прокторинговую компанию (обращение в компанию было связано с тем, что алгоритмы, использующиеся ею, не являются прозрачными для пользователей). Первое из размещенных Д. Джо видео, характеризующих развитие ситуации, набрало в сети более 3 млн. просмотров [13].

Группа студентов из Северной Каролины после экзамена по международному менеджменту получила гневное письмо-предупреждение от своего преподавателя с комментарием к протоколу наблюдения за экзаменом. В этом письме упоминалось уменьшение большинством студентов окон браузера (что косвенно свидетельствует об использовании других веб-сайтов), а также в качестве примера был

приведен студент, который за шесть минут сделал 776 движений головы и глаз (что косвенно свидетельствует о том, что он смотрел за пределы своего монитора). Студентка этой группы А. Браун создала чат, посвященный инциденту. Мнение его участников о шаткости подобных обвинений было преобладающим. Поскольку те базируются на анализе автоматических, неконтролируемых психологических процессов (распространенные реплики: «как мы можем контролировать движения глаз?», «почему то, на что не обращали внимание в реальной аудитории, используется теперь против нас?»). Преобладающим настроением студентов был ответный гнев. За короткое время первый пост А. Браун набрал 100 тыс. лайков [14, 410–411].

Важнейшим обстоятельством, которое выделяется в студенческих обсуждениях онлайн-прокторинга, является травматичность процесса наблюдения, порожденная тем, что студенты лишаются защищенного личного пространства (по словам студентки университета Райерсона (Канада): «Сдача экзамена, сопровождающаяся прокторингом, порождает гораздо больший стресс, чем сдача обыкновенного экзамена, потому что ты знаешь, что кто-то смотрит на тебя, но ты не знаешь, кто это или что это. Я лишаюсь приватности и получаю наказания за малейшие движения»). Редактор журнала «Гибридная педагогика» Дж. Стоммел, вступивший в публичный спор с менеджментом прокторинговой компании Proctorio, по следам этой дискуссии столкнулся с потоком студенческих писем, полных боли, тревоги, страха и опасений. Подводя итог своей переписке, он утверждает, что попытки студентов «дать сдачи» прокторинговым компаниям не должны нас удивлять, поскольку студенты не просто страдают, но видят в дистанционном прокторинге ни что иное, как недвусмысленное послание: «Мы вам не доверяем!» [14, 415].

Негативное отношение к онлайн-прокторингу, вызванное сомнением в точности систем контроля, обидой на администрации университетов, отказывающие студентам в доверии, а также общим ощущением потери приватности, дополняется опасениями, связанными с возможным использованием прокторинговыми компаниями персональных данных и с другими последствиями проникновения прокторинговых программ в персональные компьютеры (в петиции 18 организаций студенческого самоуправления университета Оттавы (Канада) против использования программы Respondus, программы, попросту названной «шпионской») [11]. Наконец, студенческие сетевые обсуждения и петиции поднимают тему дискриминации разных страт студенческого сообщества: наименее обеспеченных, имеющих невропатологические заболевания и т.д.

Масштаб недовольства студентов можно оценить по количеству документов, которые его выражают. Уже после первых нескольких месяцев широкого использования онлайнного прокторинга, в течение второй половины 2020 г. были поданы десятки петиций против использования прокторинговых программ или за радикальное сокращение их использования. Под каждой из них поставили свои подписи тысячи студентов. В первой половине 2023 г. только на сайте change.org уже было зарегистрировано более 170 петиций об отмене практики онлайнного прокторинга [18, 1523].

б). Преподаватели университетов

Другая группа стейкхолдеров – университетские преподаватели. Многие из них оказались вовлечены в критику дистанционного прокторинга и даже стали ее лидерами. Показателен в этом смысле кейс И. Линклеттера – специалиста по обучающим технологиям из университета Британской Колумбии (Канада). На И. Линклеттера произвел большое впечатление поток негативных реакций студентов на использование университетами прокторинговой программы фирмы Proctorio. Впоследствии он писал: «Я хотел, чтобы люди услышали озабоченность студентов. Это технология с огромным масштабом воздействия, от множества студентов требуется ее использование. И я не думаю, что их озабоченность услышал хоть кто-то» [6]. Особенно сильно его задел случай, когда руководство Proctorio решило довольно оригинальным образом «отбить» критическую атаку на компанию со стороны студента, пожаловавшегося на Reddit на отсутствие на месте специалиста по технической поддержке. Менеджер Proctorio в ответ разместил в открытом чате транскрипт переговоров этого студента с якобы отсутствовавшим на месте специалистом. Этот транскрипт включал, в том числе, выражение благодарности за полученную помощь. Вне зависимости от моральной оценки действий студента, действия менеджера можно квалифицировать однозначно. Он грубо нарушил право студента на защиту персональной информации и продемонстрировал, что связанные с экзаменом материалы компания не уничтожает и не передает полностью в распоряжение университета, а хранит на собственном сайте [29].

В связи с этим И. Линклеттер решил пристально изучить алгоритмы Proctorio на предмет защиты приватной информации, дискриминационного и травматического эффектов, а также их образовательной эффективности. В августе 2020 г. он получил через университетский инструкторский центр доступ к материалам Proctorio, предназначенным только для инструкторов. Часть материалов касалась мониторинга движений глаз и головы экзаменуемого, а также съемки помещения, в котором он находится. Материалы были выложены на

публичном youtube-канале Proctorio, но не были внесены в список размещенных там роликов, что создавало ограничения доступа. Й. Линклеттер придал гласности ссылки на эти материалы, разместив их в своем аккаунте в социальной сети. В ответ на это Proctorio вчинила ему иск в связи с нарушением авторских прав. Й. Линклеттер был обвинен в том, что он разгласил тайну уникальной технологии прокторинга компаниям-конкурентам и дал студентам информацию, позволяющую проще обходить мониторинговую систему Proctorio [6].

Й. Линклеттер подал встречный иск против Proctorio в связи с тем, что компания пытается заставить его замолчать в отношении общественно значимого вопроса (смысл встречного иска – признать иск Proctorio к нему так называемым «иском, направленным против участия общественности»). Однако встречный иск был отклонен в суде, хотя основой судебный процесс все еще продолжается. После того, как решение суда было оглашено, Й. Линклеттер заявил, что с этого момента «такие профессионалы в сфере образования и ученые, как я, будут менее охотно делиться своим экспертным знанием, даже если это может защитить студентов и другие уязвимые группы» [2].

Впрочем, после процесса Й. Линклеттера движение против онлайн-прокторинга среди преподавателей на Западе не сошло на нет. Продолжают появляться остро критические публикации, подобные известной статье Ш. Сваугера «Наши тела закодированы: алгоритмический прокторинг тестирования в высшем образовании» (журнал «Гибридная педагогика»), которую Proctorio требовала подвергнуть ретракции [23]. Действует страница И. Уайлда, которая содержит большую информацию о развитии и нынешнем состоянии этого движения [28]. Наблюдается массовый отказ преподавателей участвовать в мероприятиях, где Proctorio является организатором или спонсором и т.д.

в). Администрации университетов

Недовольство студентов и преподавателей заставило реагировать администрации университетов, которые первоначально видели в онлайн-прокторинге и услугах прокторинговых компаний вполне разумный выход из экстренной ситуации, связанной с тотальным локдауном периода пандемии. Во второй половине 2020 г. многие университеты приняли решения об отказе от внешних прокторинговых услуг или о существенном сокращении их использования. Об этом ярко свидетельствует изменение списков партнеров прокторинговых компаний в их рекламных материалах (неоперативность компаний в деле исключения некоторых университетов из таких

списков привела к ряду скандалов). Вот некоторые примеры реакции университетских администраций на недовольство академического сообщества.

Университет Дьюка (США) принял специальный документ, в котором выражена его позиция по вопросам борьбы с академической нечестностью в условиях перехода к дистанционному образованию. В нем доводится до общего сведения, что университет решил не внедрять единую технологию прокторинга для всех факультетов и курсов, оставив ее выбор на усмотрение отдельных подразделений и преподавателей. При этом в своих рекомендациях по подготовке курсов университет сделал специальную оговорку, которая выглядит как предостережение подразделений и преподавателей о ряде негативных эффектов онлайн-прокторинга. В общем виде она выглядит так: «размышляя о внедрении прокторинга, имейте в виду, как эта технология может затронуть нашу способность к формированию учебного опыта, который сфокусирован на студенте». В пояснениях содержится призыв учитывать то, что онлайн-прокторинг вводит «чужих людей в дома и комнаты студентов, то есть в те места, в которых открытость для чужого взгляда причиняет им неудобство», что прокторинговые сервисы записывают и хранят информацию о студентах на серверах, которые не принадлежат университету, что не все студенты имеют равный доступ к компьютерным технологиям, а значит прокторинг создает дополнительные элементы неравенства, что программное обеспечение, используемое в ходе онлайн-прокторинга затрудняет жизнь студентов, имеющих стесненные условия проживания, и что его применение усиливает надзорные аспекты обучения. Оговорка заканчивается призывом, хотя и не предписанием, искать другие способы оценки знаний, которые были бы сконцентрированы на интересах и потребностях обучающихся [25].

Сенат Йоркского университета (Канада) принял решение отказаться от услуг одной из прокторинговых компаний, мотивировав свой отказ следующим образом. С одной стороны, сенат подчеркнул свою озабоченность вопросами справедливости, защиты частной жизни, борьбы с тревожностью студентов, а также техническими трудностями работы с системой наблюдения. А с другой стороны, указал на отсутствие достаточных свидетельств эффективности созданного компанией продукта в деле преодоления академической нечестности. Это решение, однако, не затронуло неавтоматизированный прокторинг, осуществляющийся самими преподавателями университета, и содержало другие исключения. Так, для экзаменов,

проводимых в ходе профессиональной аккредитации, услуги прокторинговой компании продолжают использоваться университетом и далее [24].

Офис ректора и деканы университета Мичиган-Диарборн (США) в первые же недели после начала локдауна приняли совместное решение о полном запрете онлайн-прокторинга, несмотря на наличие контракта с компанией ProctorU и поступление множества предложений от других компаний. Основными причинами таких действий были опасения, связанные с благополучием студентов и защитой их частной жизни, а также перспектива возложения расходов на прокторинг на самих студентов (многие университеты, не имея возможности изменить свой бюджет в течение календарного года, шли именно по такому пути). 1 апреля 2020 года позиция руководства университета была доведена до всех его работников в виде настоятельной рекомендации. В ответ ею было получено довольно много откликов, выражающих разочарование позицией университета. Многие преподаватели считали, что администрации следует найти средства на организацию прокторинга, поскольку иначе неизбежен взрывной рост различных проявлений академической нечестности. Отсутствие прокторинга особенно встревожило преподавателей тех курсов, которые непосредственно связаны с профессиональной подготовкой студентов, и тех, на которых обучается большое количество студентов разных специализаций (таких, например, как математика). В ответ на это сотрудники Центра ресурсов для преподавания и обучения взяли на себя функцию помощи преподавателям в разработке тех форм оценки знаний, которые, в сравнении с традиционными экзаменами, менее подвержены угрозам академической нечестности (имеются в виду проведение кейс-стади, разработка портфолио и проектов, свободная рефлексия в отношении текстов и фактов и т. д.). Университет пошел на то, чтобы увеличить штат инструкторов, которые продвигали бы подобные изменения образовательных технологий и занимались бы консультированием преподавателей по их внедрению. Другая мера, введенная университетом – дополнение штата специалистами, которые в условиях использования «аутентичных» форм оценки, заменяющих традиционные экзамены, помогали бы преподавателям оценивать знания студентов на «перегруженных» курсах. Эти меры стали возможными вследствие экономии на услугах прокторинговых компаний [22].

г). Внешние стейкхолдеры

Различные внешние стейкхолдеры также проявили свою озабоченность тем, что происходит в университетах в связи с созданием

дистанционной системы наблюдения за проверкой знания. Американская правозащитная организация «Информационный центр по защите электронной приватности» подала жалобу Генеральному прокурору федерального округа Колумбия на пять компаний, производящих прокторинговое программное обеспечение и оказывающих услуги по автоматизированному онлайн-прокторингу (Respondus, ProctorU, Proctorio, Examity, Honorlock). Жалоба касалась избыточного в соотношении с заявленной функцией сбора персональной информации о студентах и использования секретных алгоритмов, которые представляют собой пример недобросовестной деловой практики. В жалобе утверждалось, что техники наблюдения, используемые в ходе дистанционного прокторинга, гораздо более агрессивны, чем в случае традиционного прокторинга, осуществляющегося в аудиториях, и что эти техники не только ведут к передаче широкого ряда персональных данных и раскрытию множества интимных деталей жизни студентов, но и создают стрессовую ситуацию, которая не позволяет добиться главной цели экзамена – определить уровень знаний обучающихся. Используемые для выявления нечестности и, соответственно, предъявления подозрений в нечестности алгоритмы являются закрытыми для студентов, что нарушает этические и правовые принципы использования искусственного интеллекта [8].

Группа из шести сенаторов США направила письмо с выражением озабоченности руководству прокторинговой компании ExamSoft. В нем были обобщены те стороны онлайн-прокторинга, которые вызвали возмущение студентов и преподавателей университетов, а затем сформулированы конкретные вопросы, на которые должна ответить компания. Среди них: вопрос о мерах, принимаемых для точной и не вызывающей жалоб идентификации личности студентов с темным цветом кожи, носящих религиозные головные уборы и т. д.; вопрос о мерах, позволяющих вести объективное и непредвзятое наблюдение за студентами с различного рода заболеваниями и особыми физическими характеристиками, а также приспособляющих прокторинг к особенностям и потребностям таких студентов; вопрос о способах подготовки прокторов, позволяющей им работать с учетом особенностей и потребностей студентов этих групп; вопрос о количестве жалоб студентов на работу компании и о каналах, по которым могут поступать такие жалобы; вопрос о способах и сроках хранения информации, полученной в ходе наблюдения за ходом экзамена [3].

Проблемы дистанционного прокторинга не остались незамеченными неакадемической общественностью. В этом отношении ха-

рактен пример канадского лидера общественного мнения, писателя-фантаста, победителя и номинанта всемирно известных литературных премий в этом жанре, К. Доктороу. Последний подробно освещал на своем канале кейс Й. Линклеттера. По мнению К. Доктороу, онлайн-прокторинг является попыткой воспроизвести в виртуальной среде «педагогически обанкротившуюся практику тестирования с высокой образовательной значимостью». Не стесняясь в выражениях, он назвал решение суда по делу Й. Линклеттера «гротескным» и «заставляющим отпасть челюсть», а интерпретацию авторских прав компанией Proctorio – «извращенной» и «сюрреалистической» [10].

д). Российский контекст

Что касается российского контекста, то, не имея какой-то полной картины, могу привести в качестве примера одну примечательную ситуацию. У меня нет достаточно проверенной информации из разных источников для того, чтобы оформить ее в качестве кейса. Поэтому ни места происшествия, ни его участников я не буду называть. Хотя, конечно, по своей исследовательской значимости, то есть в связи с тем, что она высвечивает разные проблемные стороны как самого онлайн-прокторинга, так и отказа от него при дистанционной форме работы со студентами, эта ситуация заслуживает полноценной реконструкции и пристального этического анализа. Место действия – российский вуз, перешедший на дистанционное обучение в период локдауна. Его руководство было готово предоставить преподавателям возможность онлайн-прокторинга для проведения итоговых отчетностей – экзаменов и контрольного тестирования, однако оставило использование этой технологии на выбор самих преподавателей. Определенное количество преподавателей использовало эту возможность, другие отказались от предложения руководства. Группа преподавателей, совместно ведущих курс N, отказалась от онлайн-прокторинга в ходе тестирования, которое имело значительный вес в итоговой оценке студентов за этот курс. Студенческая среда, в которой велось преподавание курса, являлась высококонкурентной, причем на едином соревновательном треке находились не только те студенты, которые изучают этот курс, но и те, кто набирает свой рейтинг на других курсах. Отказ от использования прокторинга был, по словам преподавателей, обусловлен их глубоким убеждением в том, что эта процедура является репрессивной и унижающей человеческое достоинство студента (другие возможные аргументы против этой процедуры не приводились).

После того, как контрольная работа прошла в режиме без

прокторинга преподаватели обнаружили отдельные работы, которые, по их мнению, стали результатом разных проявлений академической нечестности. Это заставило их подвергнуть ручной проверке весь массив работ и начать по косвенным признакам выявлять ответы, в которых использовалось копирование текстов лекционных презентаций, ответы, ставшие результатом коллективной работы, ответы, восходящие к одному источнику, но разошедшиеся по множеству индивидуальных работ и т.д. В случае с копированием лекционных презентаций в качестве признака нечестности рассматривалось наличие в ответах опечаток, имеющихся в этих презентациях, в том числе, опечаток в именах собственных. Количество работ, которые имели косвенные признаки поведения, попадающего под определение академической нечестности, оказалось значительным, более того, они преобладали.

В этой связи преподаватели приняли решение аннулировать результаты данной контрольной работы и использовать для выставления оценки за экзамен баллы, накопленные студентами на курсе до проведения работы (это существенно снижало баллы, полученные студентами в целом за курс). Для тех, кто не хотел получить итоговую оценку только на этой основе, они предложили провести дополнительное устное собеседование по всему материалу курса. В письме студентам, наряду с развернутым эмоциональным объяснением своего решения, преподаватели признали, что прокторинг является абсолютно необходимой мерой при проведении контроля знаний онлайн. Таким образом, попытка преподавателей уйти от репрессивного и унижительного наблюдения в реальном времени привела к необходимости проводить не менее сомнительное в этом отношении расследование постфактум, использующее косвенные, не во всем убедительные критерии идентификации нечестности, а также дискриминировать тех студентов, которые, по мнению самих преподавателей, соблюдали правила проведения контрольных работ. Администрация университета (уровень деканата) первоначально поддержала решение преподавателей, но затем в связи с возмущением студентов вынуждена была рекомендовать преподавателям засчитать результаты контрольной работы, несмотря на все подозрения в том, что во многом они были получены в результате нечестных действий.

Анализ реакции стейкхолдеров

Какие выводы можно сделать из обращения к реакциям стейкхолдеров? Мы видим, что волна студенческого возмущения дистанционным прокторингом оказалась достаточно высокой. Однако ее

нельзя рассматривать в качестве свидетельства об однозначном и устойчивом неприятии этой технологии данной группой стейкхолдеров. Несмотря на широкое участие студентов в протестной кампании, описанные ранее процессы могут отражать социологическую поверхность, а не глубину. Некоторые исследователи студенческого общественного мнения утверждают, что для значительного числа студентов возможность сдавать экзамены дома, в привычной обстановке и без потерь времени, связанных с необходимостью являться на недистанционный экзамен, значит гораздо больше, чем все издержки и риски дистанционного наблюдения.

К примеру, исследование К. Николя-Ричмонд, Ф. Доусона и Х. Партридж «Экзамены в условиях онлайн-прокторинга: риторика против реальности», опирающееся на опрос почти 600 студентов, показывает, что «сдающие экзамены студенты демонстрируют в целом позитивное отношение к системе прокторинга» [19, 1]. Проблемы же, связанные с этой системой, они связывают с тем, что представители нынешнего поколения студентов, ко всеобщему сожалению и к их собственному несчастью, являются *первыми* пользователями *первых* модификаций прокторинговых программ. Если посмотреть на литературу о прокторинге во всем ее многообразии, то среди авторов, пишущих на эту тему, имеется целый ряд исследователей, которые изначально рассматривают всю ситуацию с внедрением онлайн-прокторинга не под этическим или правовым углом зрения, а только как хороший кейс, иллюстрирующий постепенное освоение обществом новых технологий и проблемы роста, неизбежные в ходе инновационных процессов [16]. В любом случае, для решения вопроса о соотношении двух групп студентов (не одобряющих онлайн-прокторинг и относящихся к нему терпимо) невозможно ограничиться яркими впечатлениями от протестной кампании периода пандемии, требуются специальные социологические исследования, использующие широкую выборку респондентов из разных слоев студенчества. В настоящий момент результаты таких исследований еще не накопились.

Впрочем, даже если предположить, что волна возмущения отражает мнение подавляющего большинства сегодняшних студентов, сама по себе негативная позиция какой-то из затронутых новой практикой (технологией) групп не всегда свидетельствует о том, что эта практика (технология) является неприемлемой. Следует учитывать, что любые новые практики (технологии), в том числе образовательные, вызывают эффект отторжения, эти практики (технологии) всегда внедряются в их несовершенных формах, которые могут быть

существенно улучшены, в том числе в ответ на недовольство стейкхолдеров. Масштабирование имевшихся к 2020 г. технологий дистанционного прокторинга в условиях пандемии и локдауна на весь образовательный процесс высшей школы не является исключением из этого правила. На фоне совершенствования технической стороны онлайн-прокторинга и продуманного, неэкстренного его внедрения можно ожидать снижение эффекта отторжения.

Наконец, следует иметь в виду, что недовольство части стейкхолдеров может оказаться реакцией на неудобства, связанные с уменьшением возможностей совершать выгодные для них, но сомнительные в перспективе общего блага и справедливости действия, или на невозможность расширить пространство для таких действий. Студенческое недовольство пандемийного периода можно объяснить тем, что в условиях дистанционного обучения, неожиданно ставшего единственной его формой, студенты хотели бы расширить возможности для нечестного поведения на экзаменах, а онлайн-прокторинг оказался препятствием для этого стремления. Именно такое объяснение просматривается в ответах прокторинговых компаний на недовольство их продуктами и услугами. Вряд ли этот последний фактор является основным, но а priori, без тщательного исследования причинно-следственных связей, формирующих общественное мнение, его также нельзя «отмести».

Реакция преподавателей оставляет меньше места для прагматических объяснений недовольства. Ведь внедрение онлайн- и особенно онлайн-автоматизированного прокторинга давало преподавателям надежду на преодоление целого ряда их профессиональных затруднений в период локдауна. Именно прокторинг позволял преподавателям наиболее экономично (в смысле затрат времени и сил) переносить методики проверки знаний из «университета кирпича и раствора» в университет, который вынужденно стал цифровым. Однако экономичность такого рода не должна быть решающим фактором для формирования позиции подлинного профессионала, исполняющего свой долг и реализующего свое призвание. Подлинный профессионал стремится исполнять свои обязанности так, чтобы это обеспечивало благо клиента и максимальным образом содействовало общему благу. Под этим углом зрения он постоянно проблематизирует выгодные или удобные для него самого аспекты своей трудовой деятельности. Именно это обстоятельство делает его мнение значимым исходным материалом для итоговой этической оценки этих аспектов.

Кроме того, следует учитывать, что заместительное негодование (а в случае с преподавателями мы сталкиваемся именно с ним)

часто бывает более важным индикатором того, что перед нами существенная социально-этическая проблема, чем негодование самих испытывающих страдания и неудобство лиц или групп. Поэтому тот факт, что многие преподаватели посчитали, что озабоченность студентов возникла не на пустом месте, заслуживает пристального внимания. То, что некоторые из преподавателей, подобно Й. Линклеттеру, сочли, что борьба с онлайн-автоматизированным прокторингом стоит существенных личных жертв (время, усилия, судебные издержки), также способствует этической проблематизации этой формы проверки знаний.

Впрочем, анализируя реакцию преподавателей, участвующих в протесте, следует иметь в виду, что в ходе первых социологических исследований были получены данные, не позволяющие рассматривать протестную позицию в качестве однозначно доминирующей в преподавательском сообществе. Да, большинство респондентов имеют серьезные опасения, связанные с онлайн-прокторингом. Однако они не демонстрируют столь же интенсивного неодобрения и негодования, как Й. Линклеттер и некоторые другие активные участники противодействия внедрению этой технологии (см. например: [12]).

Позиция администраций университетов по вопросу о судьбе онлайн-прокторинга не столь изолирована от прагматики, как позиция отдельных преподавателей. С одной стороны, использование услуг прокторинговых компаний создает для них, как и для отдельных преподавателей, значительные удобства. Оно избавляет университет от самостоятельного создания механизмов онлайн-контроля традиционных форм проверки знания (экзамены, зачеты, контрольные работы) или от формирования альтернативной системы проверки знания, позволяющей не прибегать к онлайн-прокторингу в ходе дистанционного преподавания. И даже более того, отчитываясь перед различными инстанциями (государством, негосударственными учредителями, общественностью) о качестве образования, которое они дают, университеты обязаны убедительно продемонстрировать, что они обеспечивают институциональные гарантии качественного образования. Одна из таких гарантий – создание режима обучения, при котором соблюдается академическая честность. Указание на то, что университет в своей дистанционной практике использует современные, продвинутое технологии прокторинга, автоматически снимает вопрос о том, относится ли он к поддержанию режима академической честности серьезно. Отказ администраций от услуг прокторинговых компаний на этом фоне выглядит именно как победа этических соображений над прагматическими.

Однако, с другой стороны, у руководства университетов есть и прагматическая заинтересованность в ограничении использования прокторинговых технологий. Услуги прокторинговых компаний стоят очень дорого, и отказ от них создает существенную статью экономии. Кроме того, стремление погасить студенческое недовольство с помощью отказа от прокторинговых технологий может быть порождено не убедительностью доводов, на которые опираются студенты, а простым нежеланием накалять обстановку, множить конфликты, ухудшать имидж университета в свете грядущих кампаний по набору новых студентов и т. д. Это нарушает чистоту эксперимента. Действия руководства университетов могли быть не совсем бескорыстными. Но тем не менее, тот факт, что некоторые университетские администрации приняли решения в пользу запрета или ограничения онлайнного прокторинга важен, поскольку именно в ситуации противостояния одинаково весомых прагматических резонансов этические соображения часто оказываются определяющими для выбора организациями своих стратегии и тактики.

То, что обсуждение недостатков дистанционного прокторинга выходит за пределы академического сообщества, свидетельствует о важности этой проблемы, а косвенно – о важности состояния высшего образования для общества. Но дело не в этом. Расширение круга тех, кто считает себя заинтересованной стороной в вопросе о судьбе онлайнного прокторинга, создает существенный благотворный эффект. В дискуссию вступают профессионалы и общественные активисты с неакадемическим опытом, то есть люди, работающие над другими общественно-политическими повестками, которые в чем-то похожи на проблему онлайнного прокторинга, но и отличаются от нее. Эти повестки предполагают апелляцию к тем же аргументам, которые выдвигаются «за» и «против» онлайнного прокторинга, но в отношении других практик или технологий. В этой связи появляется возможность обнаружить такие аспекты обсуждаемой проблемы, которые не видны членам академического сообщества. Кроме того, именно присоединение политиков, представителей правозащитных кругов и общественности позволяет академической дискуссии об онлайнном прокторинге перерасти в подлинный общественный дискурс. В итоге, юристы, занимающиеся вопросами защиты частной жизни и персональных данных, политики, заинтересованные в качестве высшего образования и защите прав своих избирателей, борцы с монополизацией знания на основе авторского права – все они подготавливают основу для будущего правового регулирования онлайнного прокторинга, регулирования, основанного на устойчивом общественном консенсусе или, хотя бы, на соглашении, которое

временно устраивает большинство того или иного национального сообщества.

И наконец, заключительное соображение. Специфика обсуждения проблемы онлайн-прокторинга состоит в том, что это обсуждение включает отклики таких стейкхолдеров, которые являются людьми с развитыми аналитическими способностями и критическим мышлением. В силу этого ранее охарактеризованные реакции нельзя воспринимать только как неотрефлексированные эмоциональные претензии, связанные с непосредственно переживаемой несправедливостью. Они во многом представляют собой продуманные рассуждения с явной апелляцией к моральным ценностям и нормам. Это означает, что в случае с онлайн-прокторингом спонтанно складывающийся общественный дискурс проделал значительную часть предварительной работы исследователя, занимающегося социальной и академической этикой, хотя и не превратил его деятельность в излишнюю. Систематический этический анализ проблемы остается востребованным.

***Моральные основания использования
онлайн-прокторинга:
академическая честность и борьба с академическим
мошенничеством (академическим читингом)***

Не претендуя на создание полной и развернутой картины различных резонансов, превращающих академическую честность в ключевую ценность системы высшего образования, а академическую нечестность – в серьезнейшее нарушение академической этики, я пунктирно обозначу несколько оснований именно такого восприятия академической честности и нечестности (см. подробнее: [27, 3–15]). По понятным причинам в центре моего обзора будет находиться проблема академического мошенничества (академического читинга), хотя академическая нечестность не исчерпывается этим явлением. Академическое мошенничество (академический читинг) определяется теоретиками по-разному. Исследовательская литература содержит целый ряд его определений, находящихся в промежутке от предельно общих до предельно конкретных, содержащих перечисление относящихся к академическому мошенничеству (академическому читингу) действий. К примеру, при предельно общем подходе к его определению академическое мошенничество (академический читинг) – это нарушение академических правил, нацеленное на получение нарушителем именно академических преимуществ [26, 101]. В рамках более конкретного понимания «академическое мошенничество (академический читинг)... это действия, совершенные студентами

для того, чтобы обмануть, ввести в заблуждение, одурачить преподавателя, заставив его думать, что учебная работа, представленная студентом, является результатом его собственных усилий» [9, 2]. Впрочем, это не только более конкретное, но и несколько усеченное определение, поскольку академическая нечестность может проявляться в представлении результатов не чужих, а собственных усилий нарушителя, сопровождающихся, однако, несоблюдением тех условий, которые действуют в ходе конкретной процедуры проверки знаний. Наконец, можно встретить определения, представляющие собой развернутое перечисление составляющих: «под академическим мошенничеством (академическим читингом) понимается поведение, включающее использование несанкционированной преподавателем или учебным заведением информации при сдаче экзамена или выполнении задания; представление в качестве собственной работы материалов, подготовленных другим лицом; помощь другим студентам в получении или использовании несанкционированных информации или материалов; плагиат» [4, 3].

Недопустимость академического мошенничества (академического читинга) отчасти определяется моральным статусом любых нечестных действий. Нечестность сама по себе безнравственна и ее безнравственность определяется разными обстоятельствами. Так, академическая нечестность – это, прежде всего, обман, обман преподавателя и всей системы, созданной обществом для того, чтобы его члены могли получить высшее образование. Этот обман осуществляется на основе таких соображений, которые не могут превратить его в морально оправданный. Мотивы обманывающего студента являются эгоистическими, это получение разного рода выгоды: от продвижения в академических рейтингах до сохранения большего количества свободного времени.

С другой стороны, академическая нечестность – это нарушение правил честного соревнования, получение преимуществ по отношению к тем, кто эти правила строго соблюдает. Как показывают социологические исследования, для большинства студентов, которые пользуются шпаргалками или результатами чужого труда (в порядке плагиата или так называемого «контрактного академического мошенничества (академического читинга)»), эти действия сохраняют «невинный» характер в силу того, что студенты воспринимают их как «нарушение без жертвы». Однако в действительности нарушения академической честности – это не только абстрактная, обезличенная нечестность, а нечестность в отношении конкретных других людей.

Ее ближайшими «жертвами» являются коллеги-студенты, сдаю-

щие те же самые экзамены и выполняющие те же самые контрольные работы. Проверка полученных в университете знаний представляет собой состязательный процесс, а неравенство условий состязания в рамках таких процессов является заведомо проблематичным в моральном отношении. В определенном смысле можно говорить о том, что каждый студент имеет право на проверку полученных в университете знаний в равных условиях. Это право нарушается как теми, кто прибегает к мошенничеству (читингу), так и должностными лицами и институтами, которые не пытаются предотвратить мошенничество (читинг). Соответственно, меры по предотвращению нечестных действий, включающие в себя мониторинг процесса проверки знаний и наложение санкций за нарушение правил такой проверки, необходимы. Эту констатацию невозможно оспорить, по крайней мере, до тех пор, пока проверка знаний, требующая в ее ходе ограничения доступа студента к тем или иным источникам информации, его контактов с другими людьми и т.д., будет считаться безальтернативной.

Другая непосредственная жертва академического мошенничества (академического читинга) – преподаватель. Добросовестный преподаватель использует различные способы проверки знаний для того, чтобы понять, насколько эффективными являются применяемые им образовательные технологии, насколько ему удастся передать знание в той области, где он является специалистом. А нечестное поведение студентов дезориентирует его, блокирует его усилия по выполнению профессиональных обязанностей.

Кроме самого по себе морального статуса нечестных действий, недопустимость разных проявлений академической нечестности определяется последствиями их широкого распространения в студенческой среде. Имея возможность легко симулировать свои академические успехи с помощью мошенничества (читинга), студенты привыкают к нечестным способам получения результатов в своей профессиональной деятельности. Обман становится для них привычным инструментом поддержания и улучшения своего социального положения. Отсюда тянется причинно-следственная связь к корпоративным подлогам и фальсификациям учеными данных наблюдений и экспериментов. Некоторые теоретики пишут об угрозах «моральному характеру» студентов, создаваемых распространением академической нечестности, но возможно, это излишне патетический способ обозначения проблемы. Скорее, речь следует вести об угрозах будущей профессиональной добросовестности выпускника.

Другим негативным следствием является падение качества подготовки профессионалов в университетах. Многие из студентов,

прибегающих к нечестным формам сдачи экзаменов и контрольных работ, даже не проходят полноценно курс обучения. Они подменяют освоение знаний уловками, искажающими результаты оценивания уровня их подготовки. На выходе из университета общество (а, вернее, конкретные потребители профессиональных услуг) получают псевдоспециалиста. Конечно, рынок труда и система аттестации профессиональных сообществ могут скорректировать это положение: псевдоспециалист со временем может потерять возможность причинять ущерб, но ущерб все равно будет причинен. И этот ущерб позволяет утверждать, что распространение академического мошенничества (академического читинга) ставит под вопрос доверие общества системе высшего образования в целом.

Даже если университетские программы будут соответствовать запросам современной науки и современной экономики, даже если квалификация преподавателей будет позволять им готовить высококлассных специалистов, массовая подмена усилий, связанных с обучением, усилиями, связанными с обманом в ходе проверки знаний, обесценит университетский диплом, а, вернее, сам факт обучения будущего специалиста в университете. В еще большей степени этим обесцениваются сравнительные оценки, которые университет дает своим выпускникам (рейтинги, особые типы дипломов и т.д.). Этот эффект относится ко всей системе высшего образования, но дополнительную силу он приобретает в отношении тех университетов, которые в общественном мнении считаются терпимыми к различным проявлениям академического мошенничества (академического читинга).

Если от последствий, связанных с общественной ролью университета как «кузницы кадров» перейти к последствиям, которые относятся к прагматическим аспектам его миссии, то распространение академической нечестности также имеет масштабные негативные эффекты. Университет является пространством, в котором создается и передается знание. Знание представляет собой ключевую ценность, *raison d'être* университета. Академическая же нечестность выступает как отрицание ценности знания, как неуважение к нему. Вместо того, чтобы предпринять усилия по овладению знанием, а это основная цель студента как члена университетского сообщества, студент выбирает незнание, сопровождающееся использованием более или менее эффективных техник обмана преподавателей для получения более высоких оценок. Его выбор ведет к разложению университетского сообщества.

Этические недостатки онлайн-прокторинга

Приведенные ранее соображения в своей совокупности свиде-

тельствуют о том, что академическое мошенничество (академический читинг) является морально недопустимым и служит серьезным препятствием для реализации прагматических и непрагматических аспектов миссии университета. Это не предрешает оценку конкретных способов его преодоления или минимизации, но создает сильную презумпцию в пользу их применения. Презумпция может быть преодолена а) тем, что одни способы – являются более эффективными, чем другие; б) тем, что одни способы имеют меньшие моральные издержки, чем другие. Под моральными издержками я подразумеваю вынужденные моральные нарушения. Если ради продвижения академической честности каким-то конкретным способом оказывается необходимо нарушить другие принципы академической этики (пренебречь другими ее ценностями), то этот способ может быть признан полностью или частично негодным. Именно в такой перспективе необходимо проанализировать практику применения онлайн-прокторинга.

Эффективность онлайн-прокторинга в качестве средства предотвращения академической нечестности на первый взгляд очевидна. Здравый смысл подсказывает, что не сопровождающаяся наблюдением дистанционная проверка знаний ведет к увеличению случаев нечестности: слишком уж велик у студентов соблазн нарушить правила проверки, слишком велико поле возможностей, которое открывают использование информации из сети и сетевая коммуникация. Социологические исследования в целом подтверждают позицию здравого смысла: при бесконтрольном выполнении заданий существенно растут получаемые студентами оценки. Шоковая реакция российских преподавателей на результаты контрольной работы из описанного ранее случая не является случайной. И вывод их из своего опыта кажется неизбежным: прокторинг является абсолютно необходимой мерой при проведении контроля знаний онлайн.

Однако эффективность дистанционного прокторинга, особенно его автоматизированных версий, все же нельзя считать гарантированно высокой. В академической сфере воспроизводятся все те тенденции, которые характеризуют мир информационных технологий за ее пределами. А в нем происходит постоянная борьба между технологиями защиты и технологиями ее преодоления. В случае с блокировкой некоторых возможностей компьютера проходящего проверку знаний студента эта борьба уже развернулась. Обход онлайн-прокторинга превратился в актуальную задачу хакеров, и на фоне большого спроса на получение возможностей такого обхода она довольно оперативно решается. Исследования систем онлайн-прокторинга

прокторинга, проведенные в порядке «обратного инжиниринга», показывают, что «студент имеет полный доступ в качестве администратора к своему устройству и всегда будет способен обойти меры безопасности и схемы слежения, если у него есть достаточно времени» [5, 585]. Усилия компаний, предоставляющих услуги прокторинга, могут лишь увеличить требуемое для этого время и уровень подготовки тех, кто занимается обходом, но не закрыть возможности для него. А это значит, что индустрии прокторинга довольно скоро будет противостоять теневая индустрия его обхода. Успехи такой индустрии могут сделать использование прокторинга нерациональным. Некоторые авторы пишут о том, что онлайн-прокторинг имеет эффект вне зависимости от того, насколько надежными являются средства идентификации личности или подозрительного поведения студентов, поскольку эти средства действуют как своего рода плацебо. Риск того, что система сработает эффективно, оказывается достаточным дисциплинирующим фактором. Однако развитие систем обхода прокторинга разрушает именно эффект плацебо: студенты становятся все более и более уверенными в том, что программы автоматизированного прокторинга имеют ограниченные возможности и что на основе свежей «фичи» можно успешно обмануть не только университет и преподавателей, но и сторонних контроллеров.

Гораздо более важными, чем прогнозы такого рода, являются собственно этические аргументы, преодолевающие презумпцию моральной необходимости онлайн-прокторинга. Как уже было сказано, это аргументы от разного рода моральных издержек, то есть от необходимо возникающих при его использовании нарушений моральных принципов (случаев пренебрежения моральными ценностями) или от создания существенного риска таких нарушений (случаев пренебрежения). В исследованиях по проблеме этической приемлемости онлайн-прокторинга используются разные ценностно-нормативные основания. Некоторые авторы опираются на широкий ряд принципов академической этики или даже принципов, которые касаются исключительно проблемы академической честности. Другие считают более уместным использование тех ценностно-нормативных обобщений, которые были разработаны в этике информационных технологий или даже конкретно в этике искусственного интеллекта. Наиболее ценными работами, в которых практика онлайн-прокторинга соотносится с этическими принципами и ценностями, являются следующие: [7, 15, 18]. В данной статье я планирую опираться на четыре базовых социально-этических ценности и на миссию университета.

1. *Честное обращение с партнерами по взаимодействию.* Мы уже видели, какую важную роль играет обращение к ценности честности в обосновании дистанционного прокторинга. Равенство условий для всех участников состязательного процесса имеет существенное значение для морали и ее частных воплощений, регулирующих отдельные социальные практики. Однако использование онлайн-прокторинга как средства обеспечения таких условий само генерирует шлейф последствий, которые приходится признать нечестными по отношению к участникам состязательного процесса. Или, другими словами, онлайн-прокторинг имеет очевидные дискриминационные последствия. Кто является жертвой такой дискриминации?

В системах удостоверения личности таковыми оказываются студенты с темным цветом кожи и более молодые студенты. Еще до бурного роста рынка прокторинговых услуг было известно, что самообучающиеся системы распознавания лиц хуже справляются с идентификацией темнокожих людей и людей, чьи лица быстро меняются в связи со взрослением. Внутри процесса автоматического наблюдения за проверкой знаний эти недостатки воспроизводятся, создавая пристрастное отношение к этим группам. В системах выявления подозрительного поведения на экзаменах дискриминируются другие категории студентов. Например, студенты, которые обладают неустойчивой к стрессам психикой или имеют проблемы со здоровьем (преимущественно невропатологического характера), часто воспроизводят на экзаменах те типы поведения, которые автоматические системы рассматривают как признаки мошенничества (читинга). Они говорят вслух, совершают множественные движения глаз в разные стороны и т.п. Прокторинговые программы безжалостно награждают их флажками.

Ответ на эти обвинения со стороны компаний-разработчиков известен. Он состоит в том, что их продукт не является автоматизированной системой, осуществляющей весь процесс предотвращения мошенничества (читинга): от выявления мошенников до наложения на них взысканий. Они не претендуют на то, чтобы брать на себя функции подразделений университетов, занимающихся этим видом деятельности. Они всего лишь дают информацию о поведении экзаменуемых и указывают на случаи, в которых возрастает вероятность мошенничества (читинга). Интерпретация предоставленной ими информации, в том числе, интерпретация видеозаписей процесса проверки знаний, остается за самими университетами. Процедура интерпретации и связь ее результатов с наложением взысканий также их внутреннее дело. Базовое сравнение, используемое

представителями компаний – производство и обслуживание датчиков задымления: как реагировать на сигнал об обнаружении дыма, является делом клиента, а не производителя и установщика датчика.

Кроме того, представители компаний подчеркивают, что дискриминационное отношение (пристрастность) к отдельным группам студентов у автоматизированной системы и у человека радикально отличаются в одном решающем пункте. Пристрастность алгоритмов обнаружения мошенничества (читинга) доступна для выявления не только по результатам, но и по самой используемой процедуре. Алгоритмы могут быть проанализированы специалистами, и дискриминирующей какую-то группу элемент алгоритма может быть обнаружен и исправлен. В то время как сознание принимающего решения человека закрыто от непосредственного наблюдения. Выявить пристрастность «живого» проктора можно лишь по результатам, а исправить его поведение можно лишь предписав не допускать таких результатов впредь. Другими словами, «машинная» дискриминация и проще выявляется, и представляет собой такое явление, которое, по крайней мере на первый взгляд, проще исправить.

В реальности услуги прокторинговых компаний не совсем отвечают модели датчика задымления. Но если бы даже и отвечали, система борьбы с академическим мошенничеством (академическим читингом) на основе таких услуг остается уязвимой для этической критики. Выдвинутое подозрение и его проверка в университете – это, как правило, не быстрый процесс, в ходе которого студент находится в стрессовом состоянии – к этому факту нет особенных претензий с точки зрения честности процедуры, однако, наряду с честностью, есть еще и гуманность (см. ниже). Кроме того, конкретные исполнители, проверяющие данные «датчика», а они, как правило, являются работниками университета, имеющими другие обязанности, или даже самими профессорами, преподающими курс, оказываются склонны доверять информации прокторинговых программ, а не тратить свои силы и время на тщательную обработку материалов, относящихся к сложным случаям. Что же касается преимуществ автоматизированного прокторинга, связанных с открытостью его алгоритмов для непосредственного анализа на предмет выявления пристрастности, то этот аргумент подводит нас к проблеме прозрачности прокторинговых программ, которая также далека от разрешения (см. ниже).

Последней дискриминируемой категорией являются студенты с ограниченными материальными возможностями. Условиями автоматического прокторинга являются наличие у студента компьютерного

оборудования определенного уровня и с определенными характеристиками, а также рабочего окружения, позволяющего проходить процедуру проверки знаний в изоляции от других людей и без присутствия подозрительных предметов. Далеко не все студенты могут обеспечить выполнение этих условий в связи со своим материальным и жилищным положением. Особенно сомнительным в этом отношении следует считать предъявление университетами требования к студентам самостоятельно оплатить услуги одной из прокторинговых компаний (такие случаи имели место в начале пандемии).

2. Гуманное и заботливое отношение к партнерам по взаимодействию, учет их жизненно важных интересов. Если в случае с обеспечением честных условий ключевым аргументом против применения прокторинговых программ было то, что такая борьба с неравенством влечет за собой создание или усугубление других неравенств, то в свете следующей ценности оказывается важен учет негативного эффекта в виде страдания, унижения, а, может быть, просто существенных неудобств, претерпеваемых конкретными людьми. Страдание, унижение, неудобства имеют значение, даже если сравнительное положение участников взаимодействия не вызывает претензий, связанных с честностью. Процедура прокторинга является очень стрессогенной. Находиться под взглядом наблюдателя (живого человека или системы, опирающейся на искусственный интеллект) крайне некомфортно. Необходимость контролировать все свои движения, включая движения глаз, и такие автоматические действия, как произнесение вслух каких-то фрагментов внутренней речи, создает очень сильное эмоциональное напряжение. Этот дополнительный стресс накладывается на вполне естественный стресс, возникающий при сдаче экзамена, успех или неудача которого имеют значительные индивидуальные последствия. Понимание того, что твоё поведение в такой напряженной ситуации фиксируется камерой, усугубляет психологическую ситуацию. Любой человек, наделенный эмпатией и способностью к состраданию, неизбежно задастся вопросом о том, оправданы ли все эти острые негативные переживания, даже если у него не возникнет вопроса: не нарушаются ли при этом права на неприкосновенность частной жизни (об их нарушении см. ниже).

3. Неприкосновенность частной жизни и персональной информации. Дистанционное наблюдение за тем, как студент проходит проверку знаний, предполагает довольно глубокое проникновение прокторов или автоматических систем прокторинга в то пространство, в котором студент обустроивает свою личную жизнь и взаимодействие с близкими ему людьми, в том числе с членами семьи.

Онлайн-прокторинг предполагает передачу видеoinформации о самых разных внутренних особенностях жилища студента, а также о тех действиях, которые он совершает внутри собственного жилища. Наблюдение может зафиксировать моменты общения студента с теми, кто проживает вместе с ним или посещает его жилище, а также самих этих людей в их частном пространстве. В некоторых случаях прокторы сталкиваются с дилеммами, связанными с тем, что, получив доступ к чужому частному пространству, они фиксируют что-то противоречащее законодательству или требующее вмешательства правоохранительных органов (в американском культурно-правовом контексте это спровоцировало ряд сложных судебных дел).

Дополнительные проблемы создает использование той видеоинформации, которая собирается в ходе прокторинга, после того, как проверка знаний закончена. Процесс удостоверения личности студента связан с получением биометрических данных. Запись проверки знаний, необходимая для анализа *post factum* или для интерпретации поставленных прокторинговыми программами флажков, может использоваться в разных целях, а не только для определения корректности поведения студента на экзамене. Это, кстати, дополняет тягостный психологический эффект, создаваемый прокторингом: студента не только кто-то видит здесь и сейчас в момент напряжения, смущения и т.д., но и может затем неограниченное количество раз рассматривать с любыми целями.

Наконец, автоматические прокторинговые программы глубоко проникают в компьютеры студентов, которые, как правило, содержат огромный массив персональной информации: от номеров банковских карт до паролей почтовых ящиков и сетевых аккаунтов. Перед разработчиками и институциональными пользователями прокторинговых программ возникает непростой вопрос о том, как обеспечить защиту всей этой информации. Нарушение права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональной информации в ходе онлайн-прокторинга не является однозначно предрешенным, но даже существование большого риска возникновения такого нарушения может заставить администрации университетов отказаться от использования этой технологии или отдельных ее элементов (например, от блокирования функций на устройстве студента).

4. *Автономный информированный выбор.* Проблемы, связанные с вторжением в частную жизнь и травмирующим воздействием наблюдения на студентов, могли быть сняты за счет апелляции к ценности автономии: если студент дает свое согласие на то, чтобы подвергнуться процедурам прокторинга, то нарушения его прав перестают быть таковыми, а возникающие риски приобретают вид бо-

лее обоснованных. Однако и с автономией в данном случае есть серьезные проблемы. Действительное, неимитационное согласие с каким-то обращением предполагает возможность не согласиться и избежать такого обращения. В случае с онлайн-прокторингом предоставление всем студентам альтернативы в виде традиционной, аудиторной проверки знаний потребует от университета создать очень сложную и затратную логистическую систему, а это, скорее всего, заставит полностью отказаться от внедрения прокторинговых программ. Соответственно, если онлайн-прокторинг все же будет использоваться университетом, то без предоставления альтернатив подавляющему большинству студентов. Согласие в таких условиях окажется сугубо формальным. Кроме того, автономное согласие должно быть информированным, а это означает, что студенты должны получить полное представление о возможностях прокторинговых программ и о механизмах, которые они используют. Прокторинг должен стать прозрачным. Однако этому препятствуют два обстоятельства: 1) прозрачность программ наблюдения делает их уязвимыми для обхода; 2) прозрачность программ наблюдения нарушает коммерческую тайну их производителей. Нельзя сказать, что информированное согласие в таких условиях совсем невозможно, но обеспечение автономного выбора явно сталкивается со множеством препятствий.

5. Кроме общеэтических принципов онлайн-прокторинг ставит под сомнение некоторые из тех целей университета, которые задают его *миссию* и служат основой академической этики. Наряду с тем, что университет является организацией, в которой студенты получают высшее профессиональное образование, он представляет собой также: а) сообщество исследователей, получающих и передающих достоверное знание; б) школу критического мышления и критического гражданства; в) пространство полноценной индивидуальной самореализации членов университетского сообщества. Хотя, как уже подчеркивалось выше, академическое мошенничество (академический читинг) угрожает существованию сообщества, ориентированного на самоценность знания, онлайн-прокторинг как мера против академического мошенничества (академического читинга) тоже представляет собой угрозу университетскому сообществу. Критики этой практики не случайно подчеркивают две возникающих в связи с ней историко-литературных аллюзии: «большой брат» из известного романа Дж. Оруэлла и бентамовский паноптикум. В первом случае перед нами образ тотального контроля в репрессивном и пронизанном идеологической ложью обществе, а во втором – реп-

рессивная система отношений между обществом и людьми, нарушившими его нормы. Ни там, ни там не может существовать сообщество, построенное на основе свободно принятой высокой цели, равноправии и доверии друг другу. А идеал университета именно таков. По словам некоторых авторов, онлайнный прокторинг даже хуже, чем паноптикум, поскольку надзиратели за заключенными наблюдают только здесь и сейчас, а наличие записи экзамена превращает наблюдение в бесконечно длящееся, повторяющееся любое количество раз.

В отношении критического мышления, являющегося основой сознательного гражданства, системы дистанционного наблюдения за проверкой знаний также могут иметь негативные последствия. Конечно, как уже было сказано, для общества в целом и для его политической системы представляют опасность люди, которые рассматривают мошенничество (читинг) в качестве привычной практики достижения индивидуальных карьерных целей. Однако люди, привыкшие к тотальному наблюдению, к внешнему управлению всеми своими действиями, к получению ограниченного объема знаний и скрупулезному его воспроизведению на тестах и экзаменах, также являются не лучшим «строительным материалом» для демократического общества. Из них вряд ли выйдут рефлексиирующие и способные критически мыслить граждане. И, наконец, прокторинговые технологии явно не поддерживают в университете ту атмосферу, в которой студент, занимаясь освоением и поиском знания, ищет самого себя, самоопределяется не только как профессионал, но и разносторонне развитая личность.

Итак, мы видим, что в отношении дистанционного прокторинга складывается ситуация, в которой необходимо подводить итоговый баланс целого ряда этических резонансов, склоняющих нас в сторону использования этой технологии или отказа от ее использования. Могут ли перечисленные доводы «против» преодолеть презумпцию в пользу дистанционного прокторинга, связанную с недопустимостью академического мошенничества (академического читинга)? Ответ на этот вопрос требует специального исследования, которое еще впереди. Однако при осуществлении такого исследования необходимо не только применить к дистанционному прокторингу своего рода моральные весы, но и учесть еще одно обстоятельство, которое лишь косвенно затрагивалось в данной статье и преимущественно в части описания реакций стейкхолдеров. Мы не сможем выявить моральный статус онлайнного прокторинга до тех пор, пока не зададимся более общим вопросом, вопросом о том, насколько безальтернативной является существующая на настоящий момент система проверки

знаний, основанная на решающих контрольных работах и экзаменах (контрольных работах и экзаменах с «высокими ставками»). Ведь именно эта система структурно предполагает применение тех или иных прокторинговых процедур. Другими словами, фоном дальнейшего этического исследования онлайн-прокторинга должно быть размышление о возможных будущих формах университетского образования.

Список литературы

1. *Arnò S., Galassi A, Tommasi M., Saggino A., Vittorini P.* State-of-the-Art of Commercial Proctoring Systems and Their Use in Academic Online Exams // *International Journal of Distance Education Technologies*. 2021. Vol. 19. No. 2. P. 55–76.

2. *Bawaan N.* BC Court of Appeals Dismisses Former UBC Staff member's Appeal in Ongoing Legal Battle against Proctorio, 19.04.2023 // *The Ubysey*: [сайт]. URL:<https://ubyssey.ca/news/linkletter-appeal-dismissed/> (дата обращения: 3 декабря 2023).

3. *Blumenthal Leads Call for Virtual Exam Software Companies to Improve Equity, Accessibility & Privacy for Students Amid Troubling Reports*, 12.03.2020 // *Richard Blumenthal*: [сайт], URL:<https://www.blumenthal.senate.gov/newsroom/press/release/blumenthal-leads-call-for-virtual-exam-software-companies-to-improve-equity-accessibility-and-privacy-for-students-amid-troubling-reports#:~:text=The%20senators%20also%20expressed%20alarm,companies%2C%20writing%3A%20%E2%80%9CStudents%20relying> (дата обращения: 3 декабря 2023).

4. *Burgason K.A., Sefiha O., Briggs L.* Cheating is in the Eye of the Beholder: an Evolving Understanding of Academic Misconduct // *Innovative Higher Education*. 2019. Vol. 44. P. 203–218.

5. *Burgess B., Felten E.W., Cohny S.* Watching the Watchers: Bias and Vulnerability in Remote Proctoring Software // *Proceedings of the 31st USENIX Security Symposium*, August 10–12, 2022, Boston, MA, USA. P. 571–588.

6. *Chin M.* An Ed-Tech Specialist Spoke out about Remote Testing Software – and Now He's Being Sued, 22.10.2020 // *The Verge*: [сайт]. URL: <https://www.theverge.com/2020/10/22/21526792/proctorio-online-test-proctoring-lawsuit-universities-students-coronavirus> (дата обращения: 3 декабря 2023).

7. *Coghlan S., Miller T., Paterson J.* Good Proctor or “Big Brother”? Ethics of Online Exam Supervision Technologies // *Philosophy & Technology*. 2021. Vol. 34. P. 1581–1606.

8. *Complaint and Request for Investigation, Injunction, and Other Relief Submitted by The Electronic Privacy Information Center (EPIC)*,

09.12.2020 // EPIC: [сайт]. URL : <https://epic.org/wp-content/uploads/privacy/dccppa/online-test-proctoring/EPIC-complaint-in-re-online-test-proctoring-companies-12-09-20.pdf> (дата обращения: 3 декабря 2023).

9. *Davis S.F., Drinan P.F., Gallant T.B.* Cheating in School: What We Know and What We Can Do. Chichester: Blackwell Publishing, 2009.

10. *Doctorow C.* Company That Makes Millions Spying on Students Will Get to Sue a Whistleblower, 20.04.2023 // Pluralistic: Daily links from Cory Doctorow: [сайт], URL:<https://pluralistic.net/2023/04/20/links-arent-performances/#free-ian-linkletter> (дата обращения: 3 декабря 2023).

11. Editorial: Implementing Respondus is a Flawed and Lethargic Solution to Curbing Academic Fraud, 17.07.2020 // Fulcrum: The University of Ottawa's Independent Student News Outlet: [сайт]. URL: <https://thefulcrum.ca/opinions/editorial-implementing-respondus-is-a-flawed-and-lethargic-solution-to-curbing-academic-fraud/> (дата обращения: 3 декабря 2023).

12. *Gribbins M., Bonk C.J.* An Exploration of Instructors' Perceptions about Online Proctoring and Its Value in Ensuring Academic Integrity // British Journal of Educational Technology. 2023. Vol. 54. No. 6. P. 1693–1714.

13. *Harris M.* A Student Says Test Proctoring AI Flagged Her as Cheating When She Read a Question out Loud. Others Say the Software Could Have More Dire Consequences, 4.10.2020 // Business Insider: [сайт], URL:<https://www.insider.com/viral-tiktok-student-fails-exam-after-ai-software-flags-cheating-2020-10> (дата обращения: 3 декабря 2023).

14. *Harwell D.* Cheating-Detection Companies Made Millions During the Pandemic. Now Students Are Fighting back // Ethics of Data and Analytics: Concepts and Cases / Ed. by Kirsten Martin. New York: Auerbach Publications, 2022. P. 410-418.

15. *Henry J.V., Oliver M.* Who Will Watch the Watchmen? The Ethico-Political Arrangements of Algorithmic Proctoring for Academic Integrity // Postdigital Science and Education. 2022. Vol. 4. P. 330–353.

16. *Johri A., Hingle A.* Students' Technological Ambivalence Toward Online Proctoring and the Need for Responsible Use of Educational Technologies // Journal of Engineering Education. 2023. Vol.112. No. 1. P. 221–242

17. Measure Learning: [сайт]. URL: <https://www.measurelearning.com/exam-proctoring/remote-exam-proctoring> (дата обращения: 3 декабря 2023).

18. *Mita S.* AI Proctoring: Academic Integrity vs. Student Rights // Hastings Law Journal. 2023. Vol. 74. No. 5. P. 1513–1554.

19. *Nicola-Richmond K., Dawson P., Partridge H.* Online Proctored Exams: Rhetoric vs Reality // Higher Education Research & Development. 2023. Published Online. P. 1–15.

20. Proctorio: [сайт]. URL: <https://proctorio.com/products> (дата обращения: 3 декабря 2023).

21. Respondus: [сайт]. URL: <https://web.respondus.com/he/> (дата обращения: 3 декабря 2023).

22. *Silverman S., Caines A., Casey C., Garcia de Hurtado B., Riviere J., Sintjago A., Vecchiola C.* What Happens When You Close the Door on Remote Proctoring? Moving Toward Authentic Assessments with a People-Centered Approach // To Improve the Academy: A Journal of Educational Development. 2021. Vol. 39. No. 3. P. 115–131.

23. *Swauger S.* Taking Back the Narrative of Ed Tech, 7.07.2020 // Shea Swauger: [сайт]. URL: <https://www.sheaswauger.com/post/taking-back-the-narrative-of-ed-tech> (дата обращения: 3 декабря 2023).

24. *Syed S.* York Says Goodbye to Most Online Proctoring Software, 09.03.2021 // Excalibur: York University's Community Newspaper: [сайт], <https://www.excal.on.ca/news/2021/03/09/york-says-goodbye-to-most-online-proctoring-software/> (дата обращения: 3 декабря 2023).

25. Teaching Guides: Design and Grade Course Work (2021) // Duke University: [сайт], URL: <https://learninginnovation.duke.edu/resources/art-and-science-of-teaching/design-and-grade-course-work/> (дата обращения: 3 декабря 2023).

26. *Waltzer T., Dahl A.* The Moral Puzzle of Academic Cheating: Perceptions, Evaluations, and Decisions // Cheating Academic Integrity: Lessons from 30 Years of Research / Ed. by D.A. Rettinger, T.B. Gallant. Hoboken: Jossey-Bass, 2022. P. 99–130.

27. *Whitley B.E., Keith-Spiegel P.* Academic Dishonesty: an Educator's Guide. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2002.

28. *Wild E.* Some Problems with Online Proctoring Software: Spyware and the Normalization of Surveillance // Ethan Wild: [сайт], URL: <https://srjc.ethan.com/spyware/> (дата обращения: 3 декабря 2023).

29. *Zhou N.* CEO of Exam Monitoring Software Proctorio Apologises for Posting Student's Chat Logs on Reddit, 01.07.2020 // The Guardian: [сайт], URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2020/jul/01/ceo-of-exam-monitoring-software-proctorio-apologises-for-posting-students-chat-logs-on-reddit> (дата обращения: 3 декабря 2023).